

могъ уже безпрепятственно хранить глубокое молчаніе и дремать, прислонившись спиной къ жарко-нагретой печкѣ. Но перспектива судебныхъ обязанностей испугала Оедьку, и онъ энергично сталъ отрещиваться отъ сдѣланнаго предложенія.

— Да что вы, почтенные, помиуйте, какой же я судья! Опять мнѣ за лошадыю присматривать надо, а тамъ сиди за столомъ... Нѣтъ, ужъ вы ослобоните!

— Пустое ты болтаешь! Прикажешь десятскому за лошадыю посмотрѣть—на то онъ и десятскій, а ты судья... А тамъ себѣ будешь смирихонько въ теплѣ сидѣть, отсидишь, да и поѣдешь съ Господомъ...

— Никакъ это не возможно, старички!..

— Оедька, будь другъ! Уважь міръ!.. Мы-те и въ караульные цѣлый годъ выгонять не будемъ...

— Это вѣрно, не будемъ!—поддерживаетъ міръ и староста.

— И два полштофа сейчасъ выставимъ тебѣ!..

Оедька колеблется.

— Да что толковать!—замѣчаетъ еще одинъ выборный:—насъ пятеро—цѣлую четверть мірскую выпьемъ, во—какъ!..

— Выпьемъ!.. Это что и говорить!.. Такъ какъ же, Оедька, а?..

У Оедьки слюнки текутъ...

Сборня начинаетъ вновь наполняться; выборные столковались и спѣшатъ теперь объявить результаты своихъ совѣщаній.

— Кого же, господа старички, желаете въ судьи?—спрашиваетъ старшина.

— Петруху Колесова!—объявляетъ Иванъ Моисѣвичъ.

— Всѣ желаете?—Опять спрашиваетъ старшина.

— Всѣ... Желаетъ!..—какъ одинъ человекъ отвѣчаютъ сто сорокъ выборныхъ.

— Прохора Дубоваго...

— Всѣ желаете?..

— Всѣ...—и т. д. покуда не будутъ провозглашены судьями всѣ двѣнадцать кандидатовъ, въ числѣ коихъ значится и Илюха Гавриковъ, и Васька Пузанкинъ, и Фроль Бородинъ и Оедоръ Ягодкинъ, т. е. по обиходному—Оедька ямщикъ...

— Господа,—заканчиваю я выборы:—у насъ издавна ведется, чтобы всѣ судьи разбивались на три очереди, по четыре человека въ каждой, причемъ каждая очередь обязана „отходить“ по четыре мѣсяца; первая очередь съ января по апрѣль включительно, вторая—съ мая по августъ, третья—съ сентября по декабрь. Дозволите вы мнѣ со старшиной распредѣлить новыхъ